

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

А.Д. Урсул, Д.Е. Калюжная

Факультет глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. Россия, 119991,
г. Москва, Ленинские горы, д.1, стр.51.

.....

В статье отмечается, что стремительное ухудшение социально-экологической ситуации на планете и возникновение реальной угрозы антропоэкологической катастрофы диктует необходимость отказа от старой модели цивилизационного развития и формирования вначале в теории, а затем и на практике – новой стратегии устойчивого развития человечества с учётом основного социоприродного противоречия. Эта новая форма цивилизационного развития должна стать рационально управляемой в планетарном масштабе, обеспечивая выживание и темпоральное продолжение существования человечества и биосферы. Авторы рассматривают устойчивое развитие как жизненно важную (в перспективе – доминирующую) ориентацию международных, мирополитических и глобальных процессов, что обуславливает необходимость интеграции данной концепции в соответствующие научные дисциплины и направления исследований. Используя подход А. Д. Богатурова к концептуализации дисциплины «мировая политика», авторы статьи исходят из понимания мировой политики как прежде всего эволюционной формы глобального политического развития. Глобальным аттрактором этой эволюционной трансформации является обретение международно-мировой политикой реальной глобальной целостности, что отражает социоприродную специфику всех глобальных процессов. Авторы предполагают, что эти процессы будут развёртываться через переход к устойчивому развитию. В качестве фундаментального процесса на пути усложнения глобально-политической структуры в контексте перехода к устойчивому развитию авторы рассматривают развитие глобальной системы мирополитической субъектности, которая в эволюционной перспективе перехода к устойчивому развитию должна привести к формированию единого субъекта глобальной политики и глобальной деятельности во всех её ракурсах. В статье показано, что доминирующий государственноцентричный подход воспроизводит политическую модель неустойчивого развития, для которой характерны архаичные предпосылки политического реализма, стихийное выстраивание системы и нарастание угрозы глобальной безопасности.

.....

Ключевые слова: устойчивое развитие, мировая политика, международные отношения, глобалистика, глобальное управление, глобальное развитие, социоприродные взаимодействия, глобальное сотрудничество.

Появившиеся независимо друг от друга и примерно в одно и то же время мировая политика и устойчивое развитие (УР) как научные направления и учебные курсы (дисциплины) в последнее время обнаруживают тенденцию к сближению и взаимопроникновению. Уместно обратить внимание на их наименования. Уже давно наметилась тенденция называть новые дисциплины так, как именуются сами объекты исследования, когда гносеологический и онтологический аспекты редакционно совпадают в самом наименовании. Так, «экономика» – это и наука, и область хозяйственной деятельности, а термины «международные отношения», «международное право» и «мировая политика» имеют названия не только соответствующих областей политической и иной деятельности, но и научных и образовательных дисциплин (специальностей). Геополитика также разделяет эту двойственность обозначения предмета научной дисциплины и объекта её изучения (хотя для перехода геополитики на планетарный уровень исследования предлагается, кроме глобальной геополитики, например, такое наименование, как глобальная политология [5, с.14]).

И этот способ наименования существенно отличается от другой политической науки – политологии, название которой складывается из двух греческих слов («политика» – искусство управления государством, «логос» – учение). Сказанное о политологии относится и к глобалистике, ведь она в своей предметной области – это не только формирующаяся научная дисциплина, но и совокупность некоторых знаний в ещё недостаточно определённом (а тем более завершённом) междисциплинарном комплексе. Это научное направление в значительной степени объединяет понятийный аттрактор «глобальный», и вряд ли мы здесь обнаружим какой-либо подход или метод, кроме глобализма (глобального подхода), присущего только глобалистике (глобальным исследованиям) и не применяемого в интегрируемых науках. Все другие методы при их синтезе берутся из дисциплин, которые объединяются в глобалистику.

Добавлять в конце терминов «международные отношения» и «мировая политика» ещё и окончание сложных слов «логия» (или что-то иное) было бы явно неуместно. Однако называть науку так же, как обозначается изучаемый ею объект, оказывается не самым удачным способом наименования. Объект и его отражение в знании – это разные аспекты, один относится к онтологической плоскости, а другой – к гносеологической. В этом смысле в англоязычной литературе для выделения научных исследований часто используется термин «studies» (international studies, global studies), что вполне уместно и достаточно адекватно. Не исключено, что обсуждаемые здесь наименования ещё будут изменены и станут более приемлемыми.

Пока неясно, какая научная дисциплина или научное направление будет исследовать

устойчивое развитие (УР). Однако возможно, что специально для УР может быть предложено название научной и образовательной дисциплины, например, просто «устойчивое развитие», то есть так же, как для мировой политики или геополитики. А в англоязычной литературе такое наименование может выглядеть как «SD studies». Однако нас здесь будет интересовать другая проблема, а именно: будет ли концепция и проблема УР интересовать такую область знания и образовательной деятельности, как мировая политика?

Концепция и стратегия устойчивого развития как глобального процесса

Ушедшее столетие принесло человечеству не только многочисленные возможности и блага, высветило новые горизонты прогресса, но и отчётливо выявило сопряжённые с ним негативные последствия и угрозы. С одной стороны, это продвижение в области экономического, технологического, социального, духовного развития, а с другой – это уже вполне реальная опасность гибели человечества либо большей его части в ядерной, экологической или другой возможной глобальной катастрофе. Ядерная катастрофа способна погубить человечество в историческое мгновение, в то время как экологическая катастрофа проявляется часто незаметно, постепенно, обрекая человечество на длительную деградацию и медленное массовое вымирание.

XXI век становится критическим столетием в развитии цивилизации. Ещё недавно дальнейшее продолжение существования человечества на планете считалось само собой разумеющимся, и мало кому приходило в голову, что обычная хозяйственная деятельность для него весьма опасна и уже в этом столетии может привести к катастрофическим последствиям. Если мировое сообщество не примет необходимых мер, то может разразиться социально-экологическая катастрофа планетарного масштаба либо иная, связанная с обострением других глобальных проблем и угроз. Ведь если разразится глобально-экологическая либо иная общепланетарная катастрофа, то устранять ее последствия будет просто некому.

Чем масштабнее катастрофа, тем труднее борьба с её отрицательным воздействием на человечество. Поэтому средства устранения глобальных кризисов и катастроф, решения глобальных проблем в принципе должны носить опережающий характер, а не «отстающий» – как ныне практикуемое устранение последствий локальных чрезвычайных ситуаций и катастроф. Несмотря на сотни и даже тысячи согласованных на международном уровне целей и задач, социально-экологическая ситуация на планете продолжает ухудшаться и уже близка к критической и даже кризисно-катастрофической. Именно это требует отказа от старой модели (формы) цивилизационного развития, которое неумолимо ведёт к глобальной антропогенной катастрофе

и формированию вначале в теории, а затем и на практике новой стратегии устойчивого развития (УР) человечества, которое должно стать рационально управляемым в планетарном масштабе.

Стало очевидным, что для того, чтобы человечество смогло выжить, необходимо коренным образом трансформировать процесс социально-экономического развития, изменить многие общечеловеческие ценности, цели и ориентиры, сформировавшиеся в современной модели устойчивого развития – НУР, как на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) была названа та форма развития, по которой продолжает пока развиваться наша цивилизация.

На ЮНЕСКО было принято беспрецедентное историческое решение изменить модель или форму мирового развития, превратив стихийное и неустойчивое развитие цивилизации, чреватое умножением глобальных опасностей и угроз, в устойчивое развитие. Однако переход к УР потребует формирования той новой системы управления, которая получила наименование глобального управления. На ЮНЕСКО широко использовалась дефиниция понятия УР, которая ранее была приведена в книге «Наше общее будущее»: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [14, с.50]. В результате эволюционного перехода к УР предполагается сохранение биосферы и человечества, их коэволюция. Поэтому УР можно рассматривать как будущую форму глобально-коэволюционного и даже космического взаимодействия общества и природы, обеспечивающую их взаимное сосуществование [21, с. 31–37; 2, с. 58; 1].

Процесс все большего удовлетворения осознаваемых опережающих потребностей, выходящих за пределы краткосрочного «рыночного горизонта», уместно назвать процессом футуризации потребностей (и интересов). И переход к УР предполагает долговременную целостную систему мероприятий, которые реализуют процесс футуризации и тем самым рационализацию и «стратегическую гуманизацию» потребностей. А это предполагает постепенный отказ от современного общества потребления и переход на более рациональное удовлетворение потребностей, или, как ещё полагают, коэволюционно-разумных потребностей, что связано с переходом к УР.

В этом случае будет происходить темпоральная оптимизация потребностей нынешних и будущих поколений, проявляющаяся в футуризации и рационализации потребностей человечества, которое необходимо рассматривать не просто как единое целое в пространственном смысле, но и как единое целое в темпоральном измерении. Ведь вряд ли целью процесса глобализации является достижение только пространственной целостности в модели НУР, которую рано или поздно разрушит возможная

антропоэкологическая катастрофа. Ясно, что человеческая история не должна ограничиться только прошлым и настоящим, продвинутым по инерции лишь в недалеком эсхатологическое будущее [23].

До сих пор реальной альтернативы концепции и стратегии устойчивого развития цивилизации не предложено. Идея перехода к УР появилась в результате осмысления глобально-экологических проблем, или, более точно и вместе с тем широко, проблем окружающей среды, когда стало понятным, что эти проблемы тесно связаны с социально-экономическим развитием. И хотя до осознания этой связи было выявлено немало противоречий в развитии человечества, тем не менее именно во взаимодействии общества и природы проявилась та дисгармония, которая оказалась основным конфликтом взаимодействия современной цивилизации с природой – социоприродное противоречие между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности [9]. На него в своё время в ресурсодемографическом ракурсе обратил внимание Т.Мальтус, но только современная экологическая ситуация завершила спор о том, прав ли был этот учёный, и высветила глобальный и угрожающий бытию всего человечества характер этого противоречия [12, с. 11–13].

Из официальных рекомендательных документов ООН становится понятным, что практическое осуществление перехода к УР предполагалось начать с декады 2005–2014 гг. Именно в это время входящие в ООН государства планеты должны были подготовиться к реализации новой цивилизационной стратегии, основанной на взаимосвязанном социально-экономическом и экологическом развитии человечества.

Особый акцент важно сделать на том, что переход к УР носит глобальный характер, и в перспективе устойчивого будущего появляется новая для понимания глобальная опережающая потребность (интерес). Это означает, что глобализация и другие глобальные процессы должны получить свой новый импульс и стратегическую ориентацию от пока виртуальной модели УР, становясь уже не стихийным, а социально проектируемым и управляемым (вначале направляемым) процессом эволюционного движения единого человечества. При «вписывании» глобализационных процессов в стратегию УР окажется, что постепенно все её составляющие (и прежде всего политическая, экономическая, социальная и экологическая компоненты) станут «работать» уже в направлении УР, всё больше вырываясь из старой модели развития, то есть вместо стихийно-хаотического процесса становясь процессом глобально управляемым.

Однако осознанная эта опережающая глобальная потребность в выживании и продолжении человеческого рода будет влиять на потребности и деятельность нынешних поколений, более рационально трансформируя их в направ-

■ Мировая политика

лении оптимальной реализации в устойчивом будущем. Это должно сказаться на всех процессах в обществе, на всех уровнях и масштабах развития, связывая их в единую целеустремлённую систему. Особую обеспокоенность вызывает не только экологический, но и глобальный аспект, поскольку он требует координации и интеграции усилий мирового сообщества. Важно не просто глобализацию направить по пути УР, на что уже нацеливают документы ООН, а всё глобальное развитие должно, по крайней мере в своей «антропогенной» части, реализовывать цели и принципы УР, которые будут уточняться с каждым новым этапом перехода к этому типу развития.

Глобальная потребность в жизнеобеспечении будущих поколений появляется в условиях, когда существует противоречие между явно излишними потребностями определённой – относительно небольшой – богатой части нынешних поколений и возможностями удовлетворения даже витальных потребностей поколениями будущими (и настоящими). Рост потребностей нынешних поколений, в особенности потребностей неразумных и патологических, ведёт к существенному уменьшению возможностей и способов удовлетворения потребностей в природных ресурсах и экологических условиях не только нынешних, но и грядущих поколений.

Если модель НУР акцентировала внимание на отдельном «экономизированном» индивиде, то модель УР уже выступает как стратегия выживания всего человечества, что выступает новым и опережающим «глобальным интересом». Стало очевидным, что не только права и свободы, но и жизнь отдельного человека не смогут быть обеспечены, если будет деградировать и разрушаться вся сфера обитания *homo sapiens* (которую вряд ли можно сейчас именовать сферой разума), не только его социальное, но и природное окружение. Вот почему новая модель (стратегия) цивилизационного развития оказывается более гуманной, социально, экономически и экологически более справедливой в своей стратегической и политической ориентации и перспективе.

Поскольку в модели НУР невозможно удовлетворить даже жизненно важные потребности в одинаковой степени как нынешних, так и будущих поколений людей, то дальнейшее темпоральное продолжение этой модели развития предполагает достаточно быстрый драматический финал цивилизации. Этот возможный конец истории «рыночного человечества» (если можно так называть финал экономоцентрической эволюции) связан с антропоэкологической катастрофой, прежде всего с ухудшением окружающей природной среды и истощением природных ресурсов. Именно поэтому удовлетворение потребностей будущих поколений выражает не существующую в данный момент времени, но будущую – своего рода опережающую гуманную потребность всего человеческо-

го рода к своему выживанию и темпоральному продолжению существования. Это своего рода позитивно-оптимистическая концепция нормативно-возможного дальнейшего восходящего развития цивилизации, которая мировоззренчески противопоставляется множествам пост-модернистским и другим концепциям хаотически-деградационного угасания человеческого рода.

Сказанное выше потребует усиления исследований по научному обоснованию и развитию модели УР и с их помощью «нормативного поворота» всей науки к новым цивилизационным целям. В традиционное понимание (модель) науки не вписывается то, чего ещё нет, но должно быть, то есть деонтологическая возможность. Именно виртуально-деонтологическая реальность будет занимать всё большее место как в науке, так и в образовании. Для будущей науки (прежде всего для социально-гуманитарных и междисциплинарных исследований) особое значение имеют те научные дисциплины, где сочетаются истинностные, нормативные и гипотетические знания и которые позволяют проследить, как нормативно-прогностическое знание трансформируется в реальность.

Чаще всего УР рассматривалось в экологическом ракурсе, но постепенно стало понятным, что необходимо расширять «координаты» и «измерения» видения этого нового типа эволюционного движения. Глобальное расширение человеческой деятельности, в том числе и в ходе глобализации, существенно расширяет пространство-время социальных и социоприродных взаимодействий до общепланетарного объёма биосферы. Но это расширение наталкивается на планетарные (биосферные) ограничения, которые ставят объективный предел дальнейшему расширению социальных и социоприродных процессов и предполагает их «сжатие» и обретение целостности в границах биосферы (если не считать возможность дальнейшей космической экспансии, что пока сопряжено с огромными трудностями). Причём довольно часто в литературе по глобальным исследованиям пространственные, временные и другие ограничения со стороны природных факторов даже не упоминаются, акцентируя внимание на расширительно-интеграционных процессах.

Между тем формирующийся глобальный мир обретает свою целостность не только под влиянием деятельности человека, но и природных – глобальных ограничений и особенностей. Глобальный мир оказывается целостным, но ограниченным земным миром социоприродных взаимодействий, воздействующих и даже определяющих все другие процессы на нашей планете. Наиболее зримые ограничения – не только ограничения пространственно-территориальные, ставящие предел дальнейшему экстенсивному развитию, но и исчерпаемость природных ресурсов, глобальная угроза экологической ката-

строфы и т.д. Это и ограничения темпорального характера, связанные с пространственными пределами, очень часто ставящие временной финал развитию тех или иных процессов на Земле, в том числе и существованию человечества.

Глобальный характер предстоящего устойчивого развития с его обозначившимися пределами и границами заставляет видеть наше общее будущее уже не таким спокойным и линейным, каким представлялось раньше это развитие, когда все параметры количественно росли – население, производство, спрос и т.д. и т.п. Именно на «идеологии непрерывного роста» и «покоилась» рыночная экономика. Но если рост замедлится и тем более прекратится в силу объективно существующих глобальных ограничений и пределов, то человечество ожидает тотальный кризис, из которого можно будет выйти, лишь создав принципиально новую биосферосовместимую экономику. Будущие поколения уже будут жить в нелинейном глобально-ограниченном мире, и им придётся соединять не только экономику и экологию, о чём нечасто говорят экономисты, но и создавать иную – не просто и не только «зелёную» экономику, а альтернативную нелинейную интенсивную хозяйственную деятельность. И пока неясно, какое место в нём займёт рыночная стихия и как будут удовлетворять свои потребности наши потомки, когда многие из ресурсов будут не только ограничены, но просто исчезнут. Во всяком случае, ряд невосполнимых материально-природных ресурсов, которые хищнически используются сегодня. Невольно придётся делать основную ставку на информационно-интеллектуальные ресурсы, а значит, создавать ту сферу обитания, которую В.И. Вернадский считал ноосферой.

Модель УР должна быть создана вначале идеально и виртуально с помощью науки в целом, затем её необходимо внедрить в сознание людей на всех уровнях общественного сознания – морального, политического, правового и т.д. (и прежде всего для высших управленцев и политических деятелей). УР как новая модель развития общества и его взаимодействия с природой в принципе не может сформироваться без науки и образования. Переход к УР ноосферной ориентации объективно выдвигает науку, образование, управление и другие духовно-информационные факторы на приоритетное место в будущем глобально управляемом развитии, поскольку весь такой переход должен быть глобально управляемым и ориентированным на новые цели и принципы.

Соответственно в результате достижений науки, образования и распространения знаний сформируются новые интересы, жизненные потребности и общечеловеческие ценности, во многом отличающиеся от современных. УР тем самым становится важной ориентацией международных, мирополитических и глобальных процессов, которые необходимо будет учиты-

вать в соответствующих научных дисциплинах и направлениях исследований, а также в образовании.

Устойчивое развитие в предметном поле мировой политики

Термин "мировая политика" в литературе, как отечественной, так и зарубежной, встречался давно и до сих пор беспорядочно употребляется как синоним или почти что синоним понятия "международные отношения". Однако постепенно стали вызревать теоретические предпосылки для изменения подобного словоупотребления. Примерно к концу 1970-х гг. в теории международных отношений стало складываться новое научное направление, получившее название мировой политики. Новая научная дисциплина выделяется из международных отношений, причём их разделение было обусловлено мерой, в которой процессы глобализации, демократизации современного мира и деятельность акторов "вне суверенитета" включались в научное рассмотрение и трактовались в учебных курсах.

Однако ни в западной, ни в отечественной науке не завершена теоретическая работа по обоснованию мировой политики как отдельной, самостоятельной научной дисциплины. Не стоит удивляться, что нередко специалисты применяют вместо терминов "международные отношения" и "мировая политика" более нейтральное третье понятие – уже упомянутые международные исследования, подразумевая под этим термином всё то, что объединяет первые два. Подобное состояние дел вовсе не означает, что теория мировой политики невозможна или же не нужна. Просто её развитие пока что несколько опережает процессы сращивания человечества в единый организм и приобретение мироцелостностью такого качества, когда этимология термина "мировая политика" объединит в себе и смыслы одноимённой отдельной науки, и сам глобальный политический феномен как объект её исследования.

Как отмечает М.А. Мунтян, «примерно к концу 1970-х гг. в теории международных отношений стало складываться новое научное направление, получившее название мировой политики, причём их разделение было обусловлено мерой, в которой процессы глобализации, демократизации современного мира и деятельность акторов "вне суверенитета" включались в научное рассмотрение и трактовались в учебных курсах» [13]. В поисках интегративной платформы для достижения научной «завершённости» мировой политики как самостоятельной дисциплины А.Д. Богатуров предлагает определённую логику её концептуализации (в форме семи тезисов), которая позволяет осуществить искомый синтез [15]. Как пишет этот исследователь, за основополагающее следует принять положение о том, что «мировая политика характеризует новое качественное состояние международной среды, в которой действуют субъекты междуна-

■ Мировая политика

родного взаимодействия – как традиционные (государства), так и новые (все остальные)» [15, с. 29]. Ключевыми тенденциями-симптомами и одновременно факторами этого нового состояния среды являются такие феномены, как «смена субъекта» и «сжатие планеты».

Тезис об изменении природы субъектности в международных отношениях является фундаментальным для теории мировой политики (во всех версиях). В качестве участников международного взаимодействия она рассматривает не только государства (которые признаёт в качестве главных акторов) и межправительственные организации, но и негосударственных акторов (неправительственные организации, ТНК, внутригосударственные регионы и т.п.) [11]. Причём важно понимать, что субъектность трансформируется не только в связи с теми или иными качественными и количественными характеристиками акторов, но под воздействием новых способов и параметров их коммуникации между собой.

Ещё Дж. Най и Р. Кохейн в своей работе «Транснациональные отношения и мировая политика» акцентировали внимание на анализе природы связей, коалиций и взаимодействий, которые формировались вне зависимости от государств и находились за пределами контроля его центральных органов. По мнению авторов книги, технологическая революция в сфере коммуникаций и транспортной инфраструктуры привела к тому, что мировая политика обрела новые сущностные черты:

- растущую взаимозависимость;
- распространение транснационализма;
- возникновение новых глобальных явлений в экономической, культурной и технической сферах [29].

В переходе от «интернациональности» в «транснациональность» видится конкретный эволюционный смысл, а именно – расширение внегосударственных форм и механизмов хранения, обработки и передачи социальной информации, что является необходимым условием для увеличения человечеством своего информационного капитала, необходимого для обеспечения всех сфер своей деятельности. Информационный критерий также отображает и объясняет рост многообразия связей между государствами и иными факторами (и акторами) мировой политики.

Между тем транснациональность не является эволюционным пределом развития мирополитической системы. То «новое качественное состояние международной среды», о котором пишет А. Д. Богатуров, накладывает на деятельность международных (транснациональных и даже глобальных) акторов всё новые и новые ограничения. То есть можно сказать, что транснациональность является ограничением самой себя. Преодоление этого ограничения видится в дальнейшей самоорганизации глобальной системы мирополитической субъектности, которая в

эволюционной перспективе перехода к устойчивому развитию должна привести к формированию единого субъекта глобальной политики и глобальной деятельности во всех её ракурсах.

Понимание мировой политики как современного этапа и главного компонента развития системы международных отношений (обусловленного глобализационными процессами) восстанавливает гносеологический разрыв между мировой политикой и международными отношениями. В свою очередь, происходит трансформация системы международных отношений в мировую политику и далее в перспективе – в глобальную. Это, с одной стороны, проявление социоприродной специфики всех глобальных процессов, с другой – вектор эволюционного усложнения глобальной политической структуры.

Что касается собственно определения понятия мировой политики, то представляется, что «это сфера нерасчленённого взаимодействия между субъектами международных отношений по поводу как их действий в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем и ситуаций» [15, с.34]. Предлагаемое А.Д. Богатуровым определение отражает в сжатом виде весь спектр её эволюционных отличий от традиционных «поствестфальских» международных отношений. Однако в данной дефиниции, на наш взгляд, важно отразить эволюционно-динамическую природу этого феномена. Ведь даже в далёких от эволюционной методологии теоретических подходах мировая политика видится не просто как некая данность, а как результат кардинальной трансформации мировой политической системы.

С точки зрения глобально-эволюционного подхода мировая политика – это даже не результат, а некое транзитарное состояние этой системы, развивающейся по пути усложнения своей структурной организации. В этом смысле мировую политику было бы корректнее охарактеризовать как эволюционную форму глобального политического развития, представляющую собой сферу нерасчленённого взаимодействия между субъектами международных отношений, характеризующегося высоким уровнем структурной сложности и информационного содержания.

Фундаментальное отличие предметного поля мировой политики от предметной сферы международных отношений лежит в рассмотренном выше отношении этих дисциплин к природе международно-политической акторности (субъектности) и характеру среды. Дальнейшая трансформация предметной области связана с эволюционными изменениями политических процессов в ходе глобализации и развёртывания других глобальных процессов на траектории глобального политического развития, что приведёт к созданию политических форм, механизмов и институтов глобального управления, которые и

станут центральным предметом исследования, но уже – глобальной политики.

Глобальным аттрактором этой эволюционной трансформации является обретение международно-мировой политикой реальной глобальной целостности, к чему в перспективе ведут глобализационные процессы. Предполагается, что эти процессы будут развёртываться через переход к устойчивому развитию. Речь идёт о нормативном аспекте глобального политического развития, и здесь следует признать, что теория мировой политики, конструируемая в рамках традиционного мышления, даёт мало для развития этой идеи. Несмотря на то что некоторые школы (либералы-институционалисты, отчасти конструктивисты) в той или иной степени признавали возможность формирования нового (более безопасного) мирового порядка и наднациональных регулирующих институтов, в мирополитических исследованиях превалирует фиксация, изучение «горизонтального среза» реальности. Таким образом, теории мировой политики явно не достаёт нормативно-прогностической функции, без которой невозможен переход к устойчивому развитию как глобальному процессу. Используя понятийный аппарат мировой политики, этот переход можно было бы представить как становление комплексного универсального режима, перспективы и механизмы которого ещё предстоит исследовать.

Для понимания «вхождения» УР в мировую политику важно рассмотреть, как относятся к этой идее и стратегии государства и транснациональные акторы. И здесь, несмотря на разнообразие подходов, уже сегодня представители большинства теоретических школ и направлений пришли к выводу, что типичными международными акторами являются государства, а также международные организации и международные системы. В частности:

– Мортон Каплан различает три типа международных акторов: национальный (суверенные государства), транснациональный (региональные международные организации) и универсальный (всемирные организации, например ООН);

– М. Мерль в качестве типичных международных акторов рассматривает государства, международные организации, транснациональные силы;

– Дж. Розенау считает основными международными акторами государства, политические системы и подсистемы, транснациональные организации, когорты (этнические группы, церкви и т.п.).

Даже беглый обзор международно-политической практики в природоохранной сфере показывает, что на сегодняшний день главными акторами, оказывающими решающее влияние на статус международных договорённостей в этой области, являются государства. В этом смысле они выполняют следующие ключевые функции:

– во-первых, они играют принципиальную роль в переговорном процессе по поводу поиска решений тех или иных глобальных проблем и перехода к УР. Любой международный договор такого уровня требует государственной подписи, а также ратификации его правительствами стран-подписантов;

– во-вторых, важнейшими функциями государства являются формулирование и практическая реализация новых внутриполитических стратегий, нацеленных на решение экологических проблем и продвижения по пути УР данного государства. Так, например, государство может осуществлять функции по координации и поощрению разнообразных форм участия граждан и местного бизнеса в реализации целей государственной природоохранной политики. Государство также способно играть активную роль в разработке новых подходов в «устойчивой политике», активно взаимодействуя с бизнесом по развитию новых технологий или новых средств популяризации движения по пути УР.

Как уже подчёркивалось выше, современная мировая политика не сводится к совокупности межгосударственных взаимодействий. Тем более не может к ней сводиться и глобальная политика в интересах УР [7, с. 45–87]. Совокупность акторов, не привязанных напрямую к конкретным государствам, делают, как правило, на две группы: субъекты гражданского общества (например, неправительственные организации) и частный бизнес (ТНК, ТНБ). Наиболее влиятельные НПО с природоохранной/глобально-экологической «специализацией» – «Гринпис», «Всемирный фонд дикой природы», «Друзья Земли», Римский клуб и др. – уже сделали немало в плане решения глобальных экологических проблем.

Среди существующих на сегодняшний день влиятельных экономических «агентов» УР в негосударственном секторе можно выделить частный бизнес. ТНК включают нефтяные компании, такие, как Exxon and BP-Amoco, или предприятия пищевой промышленности, как, например, Monsanto. Сегодня уже многими отмечается, что с 1980-х гг. имеет место глобальная тенденция к сокращению роли государств в развитии таких сфер, как инвестирование и инфраструктура, в то время как частный бизнес, напротив, наращивает масштабы экономической деятельности на региональном уровне (особенно в беднейших странах).

Участие бизнеса в переходе к УР может осуществляться по двум основным направлениям. Во-первых, речь идёт о регулировании эколого-ориентированной деятельности менеджмента предприятий в соответствии с принятыми международными договорённостями и/или национальными доктринами, или экологического менеджмента. Так, например, уже после Стокгольмской конференции в мире было принято множество соглашений и деклараций по экологизации предпринимательства. В отраслях и в регионах разрабатываются и внедряются си-

■ Мировая политика

стемы управления охраной окружающей среды, которые интегрируются в общую систему управления производством, отраслями и регионами.

Как пишет С.А. Степанов, «этот процесс призван обеспечивать конкурентоспособность производимой продукции, финансовую стабильность, которые, в свою очередь, являются социально-экономической базой устойчивого развития предприятий, отраслей народного хозяйства и регионов» [16]. Такие системы предусмотрены международными стандартами ИСО серии 14000, разработанными Международной организацией по стандартизации в соответствии с требованиями ООН относительно охраны окружающей среды и принятыми в качестве национальных стандартов в России. Примечательно, что ISO 14000 основан на добровольном подходе к экологическому регулированию и рыночных механизмах. Он может служить как внутренним инструментом менеджмента, так и способом продемонстрировать экологическую ответственность своим клиентам и потребителям.

Что касается взаимодействия по линии бизнес – политические элиты в контексте перехода к УР, то здесь роль бизнеса носит гораздо более противоречивый характер в силу самой специфики частной коммерческой деятельности. Так, например, ТНК играют существенную роль в лоббировании интересов правительств стран базирования, а также в популяризации информации об экологических проблемах среди местного населения (в том числе через сотрудничество с университетами), воздействуя таким образом и на политику принимающего государства. Однако важно понимать, что частный бизнес, действующий вне рамок прямого государственного регулирования и имеющий основной (а часто и единственной) целью своей деятельности максимизацию прибыли при минимизации издержек, нуждается в прагматических основаниях для того, чтобы действовать в духе УР, иначе коммерческая деятельность, как таковая, потеряет всякий смысл.

Рыночно-ориентированная парадигма НУР фактически не оставляет бизнесу выбора, кроме как существовать за счёт деградирующей биосферы и увеличивающегося социально-экономического разрыва между богатейшими странами и периферией. В этой связи большой интерес представляет относительно новая концепция природного капитала (П. Хоукен и др.), сторонники которой акцентируют внимание на критической взаимозависимости между производством и использованием «рукотворного» капитала, с одной стороны, и сохранением и доступностью так называемого естественного капитала (ресурсов) – с другой [30]. Концепция естественного капитала существенно повлияла на современную практику расчёта макроэкономических показателей. Всемирный банк ныне учитывает при их анализе объёмы добычи природных ресурсов и экологический ущерб, вызванный выбросами углекислого газа.

Роль негосударственных акторов могут также играть и небольшие социальные общности и даже отдельные личности, что уже начинает учитываться в антропологических исследованиях мировой политики, социальные движения (например, анти- и альтерглобалистские), профсоюзы и т.д. Важнейшую роль в глобальной экологической политике (и частично в политике для УР) играют также межправительственные организации (далее – МПО). Важнейшим признаком МПО является то, что они создаются правительствами государств на основе межгосударственного договора. В настоящее время в мире насчитывается около 300 МПО [4, с.262]. Ключевое значение здесь имеет деятельность международных валютно-финансовых организаций, а также универсальных по функциям МПО, реализующих отдельные экономические и социально-ориентированные проекты. В рассматриваемой нами сфере наиболее известными являются такие организации, как ООН, Всемирный банк, ВТО и др. Они фактически подготавливают площадки для заключения международных соглашений в природоохранной сфере и их претворения в эффективные политические стратегии.

Вырабатывая правила поведения участников международно-политического взаимодействия, повестку дня и аккумулируя необходимую информацию, МПО способствуют понижению градуса неопределённости в отношениях между государствами и эффективному поиску коллективных решений международных и глобальных проблем. МПО способны влиять на мировой порядок и индивидуальные предпочтения национальных государств, предлагая собственные политические проекты. Причём в последнее время прослеживается позитивная тенденция к интеграции крупнейших МПО со специализированными функциями для реализации глобальных целей, формулируемых в рамках ООН. Так, например, выступая на «РИО + 20», заместитель директора-распорядителя МВФ Мин Жу озвучил рекомендации по переходу к более экологичной экономике, исходя из которых цены на электроэнергию, транспортировку и другие промышленные товары должны отражать полную стоимость негативных побочных эффектов для окружающей среды [28]. Более того, МПО осуществляют мониторинг исполнения внутри государств-участников принципов, норм и правил функционирования международных институтов и режимов (например, МАГАТЭ). МПО также позволяют сокращать стоимость информационно-аналитической работы, что особенно важно для небольших и экономически отсталых государств.

В настоящее время большинство исследователей мировой политики сходятся во мнении, что значение МПО несравнимо больше, чем НПО по той причине, что их членами являются государства – основные акторы на международной арене. Тем более что сегодня членство

в МПО фактически является обязательным для государства, претендующего на какое-либо влияние в мировой политике. Необходимо упомянуть об одном из достаточно новых, но весьма перспективных акторов международной политики в контексте перехода к УР – о национальных бюрократических структурах. В последние десятилетия существенную роль стали играть создаваемые в разных странах Национальные советы по устойчивому развитию (НСУР), которые, как правило, формируются при участии всех ветвей власти, международных доноров, бизнеса и гражданского общества и представляют собой политические площадки для консолидации общества для более активного продвижения целей и принципов УР. Создание НСУР и разработка Национальных повесток дня на XXI в. было определено как одно из основных обязательств стран по переходу к УР на упомянутой ЮНСЕД ещё в 1992 г. Всемирный саммит ООН по устойчивому развитию, прошедший в Йоханнесбурге в 2002 г., ещё раз подтвердил необходимость образования в странах НСУР.

Их роль существенно возросла после Первого Международного форума НСУР, прошедшего на базе ЭКОСОС, и Саммита Земли в 2000 г. [31]. На сегодняшний день более чем в 80 государствах мира уже созданы уполномоченные межсекторальные комиссии, советы или аналогичные структуры для разработки комплексных подходов по переходу к устойчивому развитию. В разных странах НСУР могут называться по-разному – в зависимости от формы и мандата. Так, например, в Канаде это Круглый стол по вопросам окружающей среды и экономики, в Мексике – Национальный консультативный совет по УР, в Южной Корее – Президентский совет по устойчивому развитию. Неоспоримым преимуществом данной формы институционализации является возможность объединять и координировать на её основе деятельность разных национальных акторов – представителей правительства, НПО, академического сектора, деловых кругов и др. Они являются удобными платформами для эффективного международного диалога на разных уровнях и вместе с тем создаются и функционируют, в первую очередь, с учётом национальных приоритетов развития, выразителями которых они являются в глобальном процессе перехода к УР. НСУР несут в себе мощный мобилизационный и пропагандистский потенциал внутри государства, способствуя формированию политических элит и гражданского общества для УР.

На концептуальном уровне значимость подобных институтов тем более высока, что они являются носителями «локальности» в глобальном дискурсе перехода к УР, снижая его конфликтный потенциал и перемещая его из виртуальной в рационально-практическую плоскость. Так, например, в 1993 г. индийская писательница Вандана Шива сетовала на то, что вошедший в моду менеджмент глобальных

экологических проблем, продвигаемый такими крупными организациями, как Всемирный банк или ООН, всё более означает игнорирование позиций маленьких государств [32, с.149]. Поэтому столь велико значение национального институционального оформления политического процесса для УР, чтобы, будучи активным участником глобального перехода на рельсы новой стратегии цивилизационного развития, государство могло органично интегрировать свою культурно-хозяйственную общность в этот процесс, не чувствуя себя объектом разного рода дискриминации.

Кроме НСУР, в ряде государств действуют и некоторые другие институциональные формы, которые «обслуживают» конкретные подсистемы УР. Так, например, в Великобритании создана сеть правительственных учреждений, лоббирующих интеграцию идеологии устойчивости с образованием на различных уровнях [8, с.56]. Университеты и исследовательские центры ведут соответствующие исследования, поддерживаемые правительственными фондами.

Отдельно стоит отметить, что в ходе подготовки к «РИО+20» создана сеть вузов, которые могли бы влиять на переход к УР. Конечно, как-либо формализовать политическую составляющую участия акторов высшего образования в переходе на рельсы УР представляется нетривиальной задачей, так как в строгом смысле слова образование в развитых демократических обществах «предпочитает» оставаться «вне политики». При этом было бы в высшей мере безответственно не учитывать тот факт, что с одной стороны, институты высшего образования непосредственно осуществляют профессиональную подготовку лиц, принимающих политические решения, с другой – они играют ключевую роль в производстве и распространении новых знаний, концепций и парадигм.

Кроме того, содержательная часть образования должна отвечать социальному (или в случае с УР – «социоприродному») заказу, который концептуализируется в политических декларациях и стратегиях. Учитывая специфику рассматриваемой нами глобальной повестки и новые факторы глобальной политики, можно предположить, что уже в ближайшем будущем будет всё очевиднее проявляться и усиливаться тенденция к политизации высшего образования. Именно поэтому такое значение имеет принятие на «РИО+20» «Обязательства учреждений высшего образования в отношении практики обеспечения устойчивости в связи с Конференцией Организации Объединённых Наций по устойчивому развитию», согласно которым руководители вузов обязуются поддерживать международные усилия по переходу к устойчивому развитию (кстати, в них приняли участие восемь вузов России, включая МГИМО и МГУ) [26]. То есть фактически создаваемая сеть институтов высшего образования начинает играть роль особого актора, принимающего на

■ Мировая политика

себя ряд обязательств на международно-политическом уровне.

К группе национальных акторов, участвующих в том или ином виде в процессе перехода к УР, можно также отнести и любые другие бюрократические структуры, которые могут и не содержать в своём наименовании словосочетания «устойчивое развитие», но оказывать непосредственное влияние на переход к нему. К ним в том числе относятся институты грантовой поддержки, ряд НКО, политических партий и др.

Несколько обобщая вышесказанное, следует ещё раз отметить, что, несмотря на сохраняющееся разнообразие теоретических подходов к определению акторности в современной мировой политике, их представители солидарны в признании существования относительно нового – глобального – уровня участников и становлением уже «глобальной среды». Их появление обусловлено глобализационными процессами и формированием так называемой глобальной повестки (включая, в частности, Глобальный договор ООН и др.). Однако под такого рода акторами сегодня понимаются скорее некие наднациональные структуры (глобальные МПО), чем транснациональные участники, что, в свою очередь, является следствием концептуальной приверженности большей части научно-экспертного сообщества государственно-центричному подходу, где суверенное государство всё ещё является точкой отсчёта в анализе процесса принятия политических решений и выработке национальных и глобальных стратегий развития. С одной стороны, такой подход отражает текущее состояние международно-политической среды, где государству формально (а зачастую и фактически) принадлежит решающая роль, а транснациональные акторы выполняют скорее информационно-пропагандистскую функцию. С другой стороны, государственно-центричный подход в нынешнем виде воспроизводит политическую модель НУР, в которой распределение ролей и ресурсов в тех же МПО происходит на основе архаичных критериев в духе классического реализма. В результате даже осознание глобальных экологических угроз пока не приводит к принципиальным изменениям в поведении государств, на которых лежит «бремя национального интереса», находящегося в состоянии вечного конфликта с национальными интересами соседних государств и нередко с интересами «глобального человечества».

Как справедливо отмечает М.М. Лебедева, «сами транснациональные акторы (ТНА), то есть те, кто «делает» мировую политику, определяет направления её развития, оказались практически вне фокуса внимания» [10]. Глобальная политическая система выстраивается стихийно, что несовместимо с целями УР. Из приведённых нами выше примеров хорошо видно, что глобальная повестка формируется не только «сверху», но также «снизу» и «извне», что в перспективе станет принципиальной предпосылкой

перехода к УР. Эти процессы являются естественным следствием развития и роста числа каналов коммуникации и взаимовлияния. Растущее многообразие связей между государствами и негосударственными участниками глобальной политики должно становиться фактором прогрессивного коэволюционного развития человечества, а не расшатывать глобальную политическую систему. В частности, оно открывает новые возможности для накопления информации на внегосударственном уровне, которым ещё предстоит стать объектом всеобъемлющего теоретического осмысления и практического управления.

Кроме того, глобализация проблемы безопасности (как осознание реальности угроз глобального масштаба) должна постепенно вести к уходу от жёсткого противопоставления экономического роста и политического влияния, с одной стороны, и задач окружающей среды, требующих коллективного решения, – с другой. Данная фрагментарность политического сознания, которая, к сожалению, всё ещё очень характерна для современных участников мировой политики, является в известной степени следствием «комплекса национального интереса», в связи с которым глобальная проблематика часто воспринимается как навязанная извне и являющаяся инструментом манипулирования внешними силами. Первый шаг в направлении преодоления этого комплекса лежит в концептуально-теоретической плоскости, а именно – в расширении понятия УР.

Усилия по формированию устойчивого будущего предполагают комплексный подход к деятельности в основном в трёх ключевых областях – экономике, социальной сфере и экологии. В терминах акторности это означает не только техническое взаимодействие акторов с соответствующей специализацией (что тоже крайне важно), но и их общее целеполагание и приверженность единым целям и принципам УР. Именно поэтому столь важно формирование единых, институционально оформленных площадок для взаимодействия множества акторов, вовлечённых в один глобальный проект. Конвергенция концепции УР и вопросов глобальной безопасности способна создать то концептуальное ядро, которое станет основой реального изменения содержания принципов национальной безопасности, которое пока что служит барьером на пути УР-кооперации и должно быть трансформировано так, как это сделано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [18; 20; 22].

Политико-социологические и либерально-институциональные подходы в анализе акторности в мировой политике либо не признают, либо упускают из виду тот факт, что с принятием стратегии УР мировым сообществом появится новый сильный и вместе с тем системный фактор дальнейшей глобализации наряду с экономическим, информационным и други-

ми, начинающими уже сейчас активно влиять на международные отношения и геополитические процессы. «В одно целое соединяются виды и направления деятельности субъектов международных отношений и основных акторов глобализации. Происходит их объективная интеграция в единый субъект глобального самоуправления в интересах устойчивого развития» [2, с.438]. Чем в данном случае предстаёт само УР – идеалистической доктриной или новым типом рациональности – ещё предстоит выяснить и обосновать.

Возвращаясь к вопросам современной международно-политической реальности, придется констатировать, что на сегодняшний день существуют две стратегии преодоления кризиса политической системы мира. Первая стратегия (УР) предполагает, что государства как главные, хотя и не единственные акторы на

мировой арене, совместно с другими акторами через систему переговорных процессов начинают выстраивать новую политическую систему. Эти процессы подразумевают, в первую очередь, конструктивный и коллективный поиск «общего знаменателя», которым способна стать глобальная стратегия УР. Как пишет М.М. Лебедева, «эти переговорные процессы должны обеспечиваться интеллектуальными поисками. Фактически нужна программа во всемирном масштабе с разделением труда участников, подобно программе по расшифровке генома человека» [10]. Вторая стратегия – стихийного выстраивания системы – создаёт реальную угрозу глобальной безопасности и выживания цивилизации в целом. К сожалению, пока можно скорее говорить о стихийности происходящих процессов, чем о возможности глобального управления переходом к УР.

Список литературы

1. Бабулин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. 496 с.
2. Бабулин С.Н., Урсул А.Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. 557 с.
3. Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ конференции "РИО+20" // ООН URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.
4. Дробот Г.А. Мировая политика как феномен глобального мира: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2010. 487 с.
5. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.
6. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов: автореф. дис. д-р. п. наук: 23.00.04. М., 2011. 53 с.
7. Калюжная Д.Е. Современные акторы мировой политики и переход к устойчивому развитию // NB: Проблемы общества и политики. 2013. №5. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_664.html
8. Касимов Н.С., Мазуров Ю.Л. Концепция устойчивого развития и её производные: Студенческий курс. М. – Смоленск: Универсум, 2007. 192 с.
9. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета. 1996. 9 апр.
10. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: локальные действия – глобальные последствия // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: МГИМО-Университет, 2007. 187 с.
11. Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
12. Лисин В.С., Юсфин Ю.С. Ресурсо-экологические проблемы XXI века и металлургия. М.: Высшая школа, 1998. 447 с.
13. Мунтян М.А. Становление мировой политики как научной и учебной дисциплины. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=276129>.
14. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию/ пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
15. Современная мировая политика: Прикладной анализ/ отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010. 589 с.
16. Степанов С.А. Глобализация. Устойчивое развитие. Образование: Концептуальные основы экологического образования в высшей школе для устойчивого развития. М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. 286 с.
17. Стокгольмская Декларация// Общественный экологический Internet-проект EcoLife. URL: <http://www.ecolife.org.ua/laws/inter/1972/04.php>
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009 г. 19 мая.
19. Урсул А.Д. Контуры безопасно-устойчивого будущего: размышления после саммита «РИО+20»// Безопасность Евразии. 2012. №2(44). С. 99-117.

■ Мировая политика

20. Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 443-456.
21. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М.: Изд. дом «Ноосфера», 1998. 500 с.
22. Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности в ракурсе устойчивого развития // Национальная безопасность. 2010. № 3-4. С. 16-26.
23. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Грядущее человечества: гибель или бессмертие? // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 3. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_478.html
24. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учебник. М.: Изд-во Гардарики, 2007. 590 с.
25. Haas P., Keohane R., Levy M. Institutions for the earth: sources of effective international environmental protection. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. 340 p.
26. Higher Education Sustainability Initiative for Rio+20// Сайт конференции "РИО+20". URL: <http://www.uncsd2012.org/index.php?page=view&nr=341&type=12&menu=35>
27. Hocking B., Smith M. World Politics. New York: Harvester Wheatsheaf, 1990. 368 p.
28. IMF Sets Path for Sustainable Development// Официальный сайт МВФ, 25 июля 2012 г. URL:<http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2012/new062512a.htm>
29. Robert O. Keohane, Joseph S. Nye, Transnational Relations and World Politics: An Introduction// International Organization. 1971. Vol. 25, №3. P. 329-349.
30. Lovins, H. Lovins, P. Hawken. Natural Capitalism: The Next Industrial Revolution. Boston, Mass.: Little, Brown and Co, 1999. 396 p.
31. National Council for Sustainable Development// Официальный сайт ESCAP. URL: http://www.unescap.org/drpad/vc/orientation/M6_Ink_3.htm
32. Sachs W. Global ecology: a new arena of political conflict. London: Zed Books, 1993. 262 p.
33. Strong M. Where on Earth are We Going? New York: Random House, Inc., 2000. 431 p.

Об авторе

Урсул Аркадий Дмитриевич – д.филос.н., профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ, почётный работник высшего профессионального образования, лауреат Государственной премии МССР в области науки и техники, академик Академии наук Молдавии. E-mail: Ursul-ad@mail.ru

Калюжная Дарья Евгеньевна – аспирант факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: Dk.business.moscow@gmail.com

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND WORLD POLITICS

Arkadii Ursul, Daria Kalyuzhnaya

Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. Russia, 119991, Moscow, Lenin Mountains 1, Corp. 51.

Abstract: *The article points out that the progressive deterioration of the social and environmental situation on the planet and the emergence of the real threat of anthropo-ecological catastrophe necessitate the abandoning of the current model of civilizational development and the formation (first in theory and then in practice) of an ultimately new one. This innovative strategy, which means taking account of the main socio-natural contradiction, is called a sustainable development strategy. This new form of civilizational development must become rationally governed on a planetary scale, thus providing the survival and temporal continuation of the existence of humans and biosphere.*

The authors regard sustainable development as a vitally important (later on – dominating) orientation of international, political and global processes. This vision makes it crucially important to embed this conception into the proper scientific disciplines and research fields.

The authors make use of the A.D. Bogaturov's conceptualization approach for the scientific discipline of world politics and consider the latter as an evolutionary form of global political development. The real global integrity of the world political system serves as a global attractor of this evolutionary transformation, and this aspect represents the specific pattern of all global processes. It is supposed that these processes will unfold through transition to sustainable development.

The development of the global system of political actorship is considered a fundamental process within the growth of overall complexity of the global political structure. In the evolutionary sustainable development

perspective it should result in the formation of an integral subject of global politics and global activity. The article shows that the dominating state-centric approach reproduces the political model of unsustainable development, which is characterized by archaic prerequisites of political realism, spontaneous formation of system, and growing threats to global security.

Key words: sustainable development, world politics, international relations, globalistics, global security, global governance, global development, global processes, socio-natural interactions, global cooperation, political actor

References

1. Baburin S.N., Muntian M.A., Ursul A.D. Globalizatsiia v perspektive ustoichivogo razvitiia [Globalization in the perspective of sustainable]. Moscow, Magistr: Infra-M, 2011. 496 p.
2. Baburin S.N., Ursul A.D. Politika ustoichivogo razvitiia i gosudarstvenno-pravovoi protsess [Sustainable development politics and the state legal process]. Moscow, Magistr: Infra-M, 2010. 557 p.
3. The Future We Want. Resolution adopted by the General Assembly on 27 July 2012. Available at: <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html>
4. Drobot G.A. Mirovaia politika kak fenomen global'nogo mira: uchebnoe posobie [World politics as a phenomenon of the global world]. Moscow, MAKS Press, 2010. 487 p.
5. Dugin A.G. Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperii. Ocherki geopolitiki XXI veka [Geopolitics of postmodernism. The Time of New Empires. The Essays of Geopolitics of the XX century]. Saint Petersburg, Amfora, 2007. 382 p.
6. Il'in I.V. Globalistika v kontekste politicheskikh protsessov. Diss. dokt. polit. nauk [Globalistics in the Context of Political Processes. Dr. polit. sci. diss.]. Moscow, 2011. 53 p.
7. Kaliuzhnaia D.E. Sovremennye aktory mirovoi politiki i perekhod k ustoichivomu razvitiuu [Modern actors of world politics and transition to sustainable development]. NB: Problemy obshchestva i politiki – NB: Social and political issues, 2013, no. 5. Available at: URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_664.html
8. Kasimov N.S., Mazurov Iu.L. Kontsepsiia ustoichivogo razvitiia i ee proizvodnye: Studencheskii diskurs [Sustainable development concept and its derivatives: students' discourse]. Moscow, Smolensk: Universum, 2007. 192 p.
9. Kontsepsiia perekhoda Rossiiskoi Federatsii k ustoichivomu razvitiuu [Concept of Transition of Russian Federation to Sustainable Development]. Rossiiskaia gazeta – Russian newspaper, 1996, 9 April.
10. Lebedva M.M. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: lokal'nye deistviia – global'nye posledstviia [Actors in modern world politics: local performance – global impacts]. Materialy 4 Konventa RAMI "Prostranstvo i vremia v mirovoi politike i mezhdunarodnykh otnosheniakh" [Proc. 4th RAMI Convent "Space and time in modern world politics and international relations"]. Pod red. A. Iu. Mel'vilia. Moscow, MGIMO – University, 2007. 187 p.
11. Lebedeva M. M. Mirovaia politika: Uchebnik dlia vuzov [World politics]. Textbook. Moscow, Aspect Press, 2007. 365 p.
12. Lisin V.S., Iusfin Iu.S. Resurso-ekologicheskie problemy XXI veka i metallurgii [Resource-ecological challenges of the XX century and metallurgy]. Moscow, Vysshiaia shkola, 1998. 447 p.
13. Muntian M. A. Stanovlenie mirovoi politiki kak nauchnoi i uchebnoi distsipliny [Formation of world politics as a scientific and academic discipline]. Available at: <http://viperson.ru/wind.php?ID=276129>.
14. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. Available at: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm>.
15. Sovremennaia mirovaia politika: Prikladnoi analiz [Modern world politics: application study]. Editor in Chief A.D. Bogaturov. Moscow, Aspect Press, 2010. 589 p.
16. Stepanov S.A. Globalizatsiia. Ustoichivoe razvitie. Obrazovanie: Kontseptual'nye osnovy ekologicheskogo obrazovaniia v vysshei shkole dlia ustoichivogo razvitiia [Globalization. Sustainable development. Education: conceptual foundations of the environmental education in colleges for the sustainable development]. Moscow, MNEPU pub., 2009. 286 p.
17. Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment (Stockholm, 1972). Available at: <http://www.unep.org/Documents.Multilingual/Default.asp?documentid=97&articleid=1503>.
18. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda [Strategy of national security of Russian Federation until 2020]. Rossiiskaia gazeta – Russian newspaper, 2009, 19 May.
19. Ursul A.D. Kontury bezopasno-ustoichivogo budushchego: razmyshleniia posle sammita RIO+20 [Outlines of the safe sustainable future: reflections after RIO+20 summit]. Bezopasnost' Evrazii – Security of Eurasia, 2012, no. 2(44), pp. 99-117.

■ **Мировая политика**

20. Ursul A.D. Obespechenie bezopasnosti cherez ustoichivoe razvitie [Provision of security through sustainable development]. Bezopasnost' Evrazii Security of Eurasia, 2001, no. 1, pp. 443-456.
21. Ursul A.D. Perekhod Rossii k ustoichivomu razvitiu. Noosfernaia strategiiia [Transition of Russia to sustainable development. A noospheric strategy]. Moscow, Pub. house "Nooshere", 1998. 500 p.
22. Ursul A.D. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti v rakurse ustoichivogo razvitiia [Strategy of national security in the perspective of sustainable development]. Natsional'naia bezopasnost' – National security, 2010, no. 3-4, pp. 16-26.
23. Ursul A.D., Ursul T.A. Griadushchee chelovechestva: gibel' ili bessmertie? [Future ages of the mankind: extinction of immortality?] NB: Problemy obshchestva i politiki – NB: Social and political issues, 2013, no. 3. Available at: http://e-notabene.ru/pr/article_478.html.
24. Tsygankov P. A. Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii [Theory of international relations]. Textbook. Moscow, Pub.: Gardariki, 2007. 590 p.
25. Haas P., Keohane R., Levy M. Institutions for the earth: sources of effective international environmental protection. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. 340 p.
26. Higher Education Sustainability Initiative for Rio+20// Сайт конференции "РНО+20". URL: <http://www.uncsd2012.org/index.php?page=view&nr=341&type=12&menu=35>
27. Hocking B., Smith M. World Politics. New York: Harvester Wheatsheaf, 1990. 368 p.
28. IMF Sets Path for Sustainable Development// Официальный сайт МВФ, 25 июля 2012 г. URL:<http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2012/new062512a.htm>
29. Robert O. Keohane, Joseph S. Nye, Transnational Relations and World Politics: An Introduction// International Organization. 1971. Vol. 25, №3. P. 329-349.
30. Lovins, H. Lovins, P. Hawken. Natural Capitalism: The Next Industrial Revolution. Boston, Mass.: Little, Brown and Co, 1999. 396 p.
31. National Council for Sustainable Development// Официальный сайт ESCAP. URL: http://www.unescap.org/drpad/vc/orientation/M6_Ink_3.htm
32. Sachs W. Global ecology: a new arena of political conflict. London: Zed Books, 1993. 262 p.
33. Strong M. Where on Earth are We Going? New York: Random House, Inc., 2000. 431 p.

About the author

Arkadii Ursul – doctor of Philosophical Sciences? Professor of Faculty of Global Studies Lomonosov MSU, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Laureate of State Prize in the Field of Science and Technology, Academician of the Academy of Sciences of Moldova

E-mail: Ursul-ad@mail.ru

Kalyuzhnaya – Postgraduate Student, Faculty of Global Studies Lomonosov MSU.

E-mail: Dk.business.moscow@gmail.com